

Здравствуйте, глубокоуважаемый Юлий Черсанович,

Третий день нахожусь под влиянием Вашей пьесы, русской «Трехгрошовой оперы», которую Вы показали на домашнем коцерте у Зеева Гейзеля. Она мне понравилась больше Брехтовской. И она очень театральная- все герои важны, все сюжетные линии хорошо связаны и взаимодействуют, и много неожиданных поворотов. И ещё одно неожиданное замечание от моего друга: мы оба поняли каждое слово. Это неочевидно, мы покинули СССР более 30 лет назад и наш русский язык заостренел, поскольку мы не смотрим русского телевидения и не читаем русские газеты. А в России русский язык за это время изменился, но Вы так подобрали слова, что они понятны даже нам.

А ещё меня заставил сильно задуматься образ Поэта. Я его у Вас помню раньше только в пьесе о Лукоморье, где поэт Пушкин играет самую активную роль, типа Орфея в Лукоморье, проводника и знатока местных нравов. А в этой пьесе у Вас Поэт - он не просто зритель, а ещё и один из вершителей событий, пусть и невольный. И глубоко я задумался о «месте поэта в рабочем строю». Он- что: пророк, провидец, рупор провидения? Или что ещё?

И вспомнилась мне история с песней «Гренада». Приехал молодой поэт Михаил Светлов в Москву и, гуляя по центральной улице, обратил внимание на светящуюся вывеску гостиницы «Гранада». Пришёл домой и написал знаменитое стихотворение, которое было переложено на музыку, быстро стало шлягером, и впечаталось в сознание масс. И было это в 1926 году, а через десять лет началась война в Испании, и русские добровольцы шли воевать с этой песней на устах. Было ли это поэтическое предвидение? А может быть, накликал? Создал своей песней соответствующую эмоциональную атмосферу, и вождю оказалось легко отправить ограниченный контингент советских добровольцев в далёкую Испанию. (А потом вождь сделал выводы и в преддверии финской войны заказал песню «Принимай нас, Суоми-красавица»).

И вспомнилась мне Ваша песня 1965 года «Посвящение Галичу», и Ваша и Булата Окуджавы совместная песня 1985 года о том, как Ваши «друзья выбьются в начальство». Можно сказать, что это предвидение перестройки. А можно сказать, что сильные мира сего и не сего выстраивали действительность по Вашему сценарию. И начинаешь думать, что мечты Маяковского о том, «чтоб к штыку приравнили перо» - это дело чреватое. Что там штык - детская игрушка.

И пришла мне на ум ещё и другая Ваша песня - «Учитель обществоведения». Там есть строчки: «Лягу я под шкаф, чтоб при лёгком движении на меня упал «Капитал». Я всегда недоумевал, о каком-таком лёгком движении идёт речь.

И вот моя личная история по этому поводу. Распространяли у нас как-то в Иерусалиме и окрестностях книги о Кабале, причём бесплатно. (Я потом видел немало этих книг в генизе). И принесла моя дочка целый ящик этих больших томов с рассуждениями о Кабале. Я открыл один, почитал- скучно и нудно- чуть не заснул. Положил я этот ящик высоко на шкаф, чтоб глаза мои этих книг не видели. А в 2003 году было у нас небольшое землетрясение. Прихожу я домой и вижу, что все эти книги по Кабале попадали со шкафа аккуратно на моё любимое кресло. Если бы я в нём в тот момент оказался, то мало бы не показалось.

Так вот о каком «лёгком движении» шла речь в Вашей песне! И стало мне более понятно, почему эта песня вызывала такую инстинктивную неприязнь высокого начальства. А может они опасались, что она приведёт к стихийным бедствиям. Подумал я так и прикусил язык. А землетрясение в Румынии в 1977 году, отзвуки которого докатились до Москвы? Накликал-таки.

Так что, страшная у поэтов сила. С нетерпением ожидаю, в какой роли выступит Поэт в Вашем следующем произведении.

С уважением и любовью,

Михаил Голосовский

2/02/2019